

DOI: 10.22250/2072-8662-2025-1-44-52

Цыбенков Б.Д.

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
bazar75@mail.ru*

К изучению благотворительной деятельности буддийского духовенства Восточной Сибири в первой четверти XX в. (на материалах Государственного архива Республики Бурятия)

Аннотация. В Государственном архиве Республики Бурятия хранятся некоторые не введенные в научный оборот материалы по истории российской буддийской церкви, включая взаимоотношения с властью, благотворительность. Обра-

щение к этим и другим, ранее опубликованным, документам подтверждает встраивание буддийской иерархии в лице Пандито Хамбо-ламы в систему имперского политического взаимодействия в начале XX в. Они соответствующе реагировали на предписания региональных властей, занимались сбором пожертвований на военные и другие нужды. Большую помощь буддийские деятели оказали в деле мобилизации бурят-казаков в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.; принятии специальных мер в 1908 г. по вопросу о появлении японских миссионеров-разведчиков в Забайкалье. Пик благотворительной деятельности буддийского духовенства Восточной Сибири пришёлся на годы Первой мировой войны, когда оно организует «Общобурятский комитет по сбору пожертвований на нужды войны». Помощь была всемерной, начиная от кружечных сборов в дацанах до финансирования нескольких лазаретов. Кроме того, настоятели, очевидно, доводили до населения информацию о ходе военных действий, ламы-лекари при поддержке прихожан выезжали в места пребывания мобилизованных бурят. Благотворительность продолжилась в период гражданской войны, когда буддийское духовенство откликнулось на призыв о помощи голодающим Поволжья. На примере сбора пожертвований в Селенгинском аймаке Бурят-Монгольской автономной области РСФСР в 1921–1922 гг. можно сделать вывод о том, что работа проходила в нелёгких условиях голодного времени. Объёмы благотворительной помощи существенно уменьшились, тем не менее бурятское духовенство сумело организовать помощь продуктами и деньгами голодающим Поволжья, а также студентам-бурятам, обучающимся в Москве. После призыва Пандито Хамбы-ламы о постоянной материальной помощи голодающим Поволжья в бурятских дацанах был проведён сбор пожертвований в виде предметов религиозного культа.

Ключевые слова: буддизм, духовенство, буряты, Россия, Пандито Хамбо-ламы, пожертвования

Bazar D. Tsybenov

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakh'yanova st., Ulan-Ude, 670047, Russia
bazar75@mail.ru*

To the Study of the Charity of the Buddhist Clergy of Eastern Siberia in the First Quarter of the 20th Century (Based on Materials from the State Archives of the Republic of Buryatia)

Abstract. The State Archives of the Republic of Buryatia store materials on the history of the Russian Buddhist Church, including relations with authorities and charity. Some of these materials are not used in historians. Documents confirm the integration of Buddhist clergy into the imperial political system at the beginning of the 20th century. Pandito Khambo Lama adequately responded to the instructions of regional authorities, collecting donations for the Russian army and helping hospitals. Buddhist leaders assisted local authorities in mobilizing Buryat Cossacks during the Russo-Japanese War (1904–1905). In 1908, they took special measures when Japanese intelligence agents disguised themselves as missionaries and arrived in Transbaikalia. The peak of charitable activity by Buddhist clergy in Eastern Siberia occurred during World War I. Buddhist leaders Itigelov, Agvan Dorzhiev, and Iroltuev created the “All-Buryat Committee to collect donations for the needs of war”. The help of Buryat monks was great. Monasteries collected donations to finance military hospitals. Abbots brought information about the progress of military operations to the population. Lama healers visited the places where mobilized Buryats were staying, and parishioners paid for

their travel expenses. During the Civil War, Buddhist clergy collected donations for starving people in the Volga region, which was carried out under difficult conditions of famine. The author studied sources on the collection of donations in Selenga Aimak, the Buryat-Mongolian Autonomous Region, RSFSR, 1921–1922, when the size of charity significantly decreased. Buryat clergy managed to help starving Volga residents and Buryat students in Moscow with food and money. When Pandito Khambo Lama called for constant material assistance to the starving people of the Volga region, Buryat monks donated objects of religious worship.

Key words: Buddhism, clergy, Buryats, Russia, Pandito Khambo Lamas, donations

Введение

В конце XIX – начале XX вв. существенно укрепляются позиции буддизма в Российской империи. Особую роль в социально-политических отношениях, как на региональном, так и на высшем уровнях, начинает играть буддийское духовенство Восточной Сибири. По данным бурятских специалистов, к этому времени российские буддисты сумели доказать своё лояльное отношение к политике империи. Сбором пожертвований на военные и другие нужды, лечением членов императорской семьи они всемерно выказывали свои верноподданнические чувства. Буддийская иерархия, ограждённая от дестабилизирующего влияния извне, по сути, становится партнёром государственной власти [Цыремпилов, 2013, 184; Янгутов, Цыренов, 2016, 111; Амоголонова, 2018, 292]. В первой четверти XX в. на буддийских лидеров – Пандито Хамбо-лам, принимающих решения в процессе усложняющегося политического взаимодействия, ложится нелёгкий груз ответственности.

Благотворительность в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. и содействие в защите национальных интересов

Буряты, как подданные империи, неизменно принимали участие в сборе пожертвований на различные военные и другие нужды. В частности, в XIX в., когда ещё имели место серьёзные противоречия между буддийским духовенством и православными миссионерами, бурятское население, в том числе и прихожане буддийских монастырей – дацанов – исправно вносили свой посильный вклад в дело победы в Отечественной войне 1812 г., русско-турецких войнах, в частности, 1877–1878 гг. Благотворительность бурят продолжилась и в период русско-японской войны 1904–1905 гг., в которой, как известно, приняли участие буряты-казаки. Буддийское духовенство Восточной Сибири оказывало помощь региональным властям в мобилизации бурят. По этому вопросу в январе 1904 г. взаимодействовали военный генерал-губернатор Иркутской области П.И. Кутайсов и вновь избранный настоятель (ширетуй) Янгажинского дацана Д.-Д. Итигэлов. В том же году делегация бурятских светских и духовных лиц во главе с Пандито Хамбо-ламой Ч.-Д. Иролтуевым выезжала в Порт-Артур для оказания моральной поддержки и вручения подарков воюющим бурятам-казакам [Базаржапов, 2005, 43; Чимитдоржин, 2010, 95; Жалсанова, 2022, 109]. Следует заметить, что эти мероприятия проходили в условиях, когда Япония перешла к активному использованию идеи панмонголизма, с 1903 г. проводила кампанию «Хабакатцу» (белая опасность) для объединения борьбы представителей жёлтой расы с белой [Базаров, 2016, 51].

Бурятские дацаны занимались сбором пожертвований на нужды армии и флота, создания лазаретов для раненых солдат, помощи их семьям. Пожертвования были добровольными, о чём, в частности, свидетельствует переписка в феврале-апреле 1904 г. между Пандито Хамбо-ламой Ч.-Д. Иролтуевым и ширетуем Кодунского дацана Цыреновым. Высшие духовные лица используют в письмах термины «*sayin joriy-un ergül*», «*sayin joriy-yiar*» – добровольные пожертвования; добровольно [ГАРБ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 516. Л. 12-12 об.]. В этот период, очевидно, вводится написание новых для классической монгольской письменности терминов «*Rus gürin-ü flot*», «*gürin-ü čerig-ün dalai-yin onyoča*» – флот Российского государства; морской флот государственных войск [ГАРБ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 516. Л. 12–12 об.]. Они являются одними из первых вариантов обозначения этого рода войск на бурятском языке. Всего ламами Кодунского дацана было пожертвовано 143 руб., из них 105 руб. раненым солдатам, 38 руб. – на нужды флота [ГАРБ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 516. Л. 12 об.].

После окончания русско-японской войны, в 1905 г., был построен цаннит-дацан в память о погибших воинах из прихода Янгажинского дацана [Базаржапов, 2005, 43; Чимитдоржин, 2010, 104]. В том же году после объявления Николаем II Указа об укреплении начал веротерпимости дацаны Иркутской губернии были возвращены в ведение Пандито Хамбо-ламы Восточной Сибири [Цыремпилов, 2013, 198–199]. Буддийским духовенством Восточной Сибири была создана партия «Знамя бурятского народа», нацеленная на реформирование буддийской церкви [Чимитдоржин, 2010, 95].

Бурятская буддийская иерархия в этот период контактировала с региональными военными властями, в том числе и по вопросам безопасности приграничных территорий. Так, 8 ноября 1908 г. Пандито Хамбо-лама Ч.-Д. Иролтуев направил распоряжения ширетуям бурятских дацанов о немедленном сообщении полицейскому правлению о появлении японцев, ведущих пропаганду буддизма среди крещёных бурят и одновременно осуществляющих фотосъёмку местностей [ГАРБ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 5; История, 2021, 114]. В документе, направленном ширетуую Эгитуйского дацана, он отмечал: «...предвидя, что некоторые ламы вашего ведения могут поддержать их <...> ширетуям взять под свой личный контроль наблюдение за этими ламами, не предоставлять жильё прибывшим из-за границы в Забайкальскую область служителям, сообщать полицейскому начальству» [История, 2021, 114]. Сравнительно-сопоставительный анализ распоряжений, направленных настоятелям Эгитуйского и Ацайского дацанов, показывает их идентичность. Очевидно, подобная рассылка от имени главы буддийской церкви была сделана всем бурятским дацанам. Информация о появлении и противоправной деятельности японцев в Забайкалье, по всей видимости, была сообщена высшему буддийскому духовенству российскими приграничными властями. Предварительный текстологический анализ распоряжения № 489 от 8 ноября 1908 г., направленного ширетуую Ацайского дацана, выявляет ряд заимствований и новых терминов: буддизм записан как «buddijm», т.е. в русскоязычном варианте; японцы – «*yaponi-nud*», фотографические снимки – «*fotografičeske snimke*», крещёные буряты – «*kereyislegsen buriyad-nar*», Забайкальская область – «*Jabaiqalsqun oblasti*», полиция – «*polyiča*» [ГАРБ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 5]. Вышеотмеченные документы свидетельствуют об участии буддийского духовенства Восточной Сибири в усилении мер государственной безопасности по охране приграничных территорий. Следует отметить, что строгому контролю подлежали не только японцы, но и все иностранные подданные, включая лам. 26 мая 1915 г. в письме за № 303 Пандито Хамбо-лама сообщал военному губернатору Забайкальской области о требовании высшего духовного сановника северного Тибета Жамьян-Шадба Гунчин-Хутухты строго карать по местным законам тибетских лам, проникающих в Забайкальскую область по ложным документам, якобы выданным от него и занимающихся сбором пожертвований [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 468. Л. 7]. Таким образом, заграничные власти содействовали региональному чиновничеству и духовенству в деле надзора за прибывавшими из-за рубежа ламами.

С начала XX в. в бурятских дацанах проводились богослужения, посвящённые успешному завершению военных действий с участием российской армии, памяти погибших солдат. Об этом свидетельствует переписка Пандито Хамбо-ламы с ширетуем Ацайского дацана о возможном нападении на страну с Востока и о проведении молебствий в дацанах для благополучия [ГАРБ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 78]. В 1912 г. во всех бурятских дацанах были отслужены торжественные панихиды в память воинам, павшим на поле брани в Отечественной войне 1812 г. и благодарственное молебствие за здоровье Николая II и его семьи [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 421. Л. 2, 5]. Буддийское духовенство Восточной Сибири, всемерно выражая свои верноподданнические чувства и активизируясь в деле сбора пожертвований и мобилизации бурят-казаков, тем самым, вступало в тесное взаимодействие с местным чиновничеством, встраивалось в систему взаимоотношений региональной власти.

О благотворительности в годы Первой мировой войны

С самого начала Первой мировой войны все слои российского общества стали оказывать посильную помощь пострадавшим во время военных действий. В самом начале Первой мировой войны, 2 августа 1914 г., Пандито Хамбо-лама

Д.-Д. Итигэлов сообщал военному губернатору Забайкальской области о проведении богослужений и готовности к служению Отчизне [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 2]. 4 августа 1914 г. сообщалось об установлении во всех ламайских дацанах Российской империи сбора пожертвований на помощь раненым и больным воинам, пострадавшим в войне с Германией и Австрией [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 31]. Тамчинский (Гусиноозерский) дацан под руководством Итигэлова стал центром благотворительной деятельности бурятских сообществ [Жалсанова, 2012, 341]. Ширетуям дацанов были направлены распоряжения для сбора добровольных пожертвований в помощь больным и раненым воинам, был создан Комитет сбора пожертвований. Следует заметить, что в действующей армии в годы Первой мировой войны находились казаки – буряты и тунгусы Забайкальского казачьего войска.

На буддийское духовенство была возложена обязанность информирования населения, т.е. прихожан, о ведущихся военных действиях [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 8]. Так, в документе, написанном классической монгольской письменностью, о военных действиях начального периода войны говорится как о большом сражении, идущем в Европе (Eвропа-yin орон-ду болцу байуγсан yeke байлдууγан) [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 5]. Встречаются в тексте русские (в том числе и европейские, военные, технические) термины.

Согласно архивным материалам, на 22 сентября 1914 г. поступило от 19 дацанов в пользу раненых воинов и семей запасных 927 руб. 33 коп. [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 459. Л. 1]; на 29 сентября того же года поступило от ширетуев 24 дацанов 1724 руб. 80 коп. [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 33]. Три дацана – Цугольский, Агинский и Анинский – передали денежные средства в сумме 1638 руб. напрямую начальнику области для раненых и семей запасных [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 33 об.]. В то же время Пандито Хамбо-лама сообщал вышестоящему начальству о проблематичности сбора пожертвований в дацанах, поскольку «монашествующие преимущественно люди неимущие» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 35]. В конце сентября 1914 г. он лично выехал в дацаны хоринских и агинских бурят для сбора денег Красного Креста и совершения богослужений по случаю войны [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 39 а]. Эта поездка нашла отражение в газете «Забайкальская новь» (№ 2089): «10 октября в Агинский дацан прибыл хамбо-лама Итигылов, которым 11 октября совершено молебствие в дацане о павших воинах воюющих государств, о здравии Царствующего Дома. На молебствии присутствовал в полном составе волостной сход. Хамбо-лама усиленно рекомендовал нести свои пожертвования на помощь в пострадавшим в войне. Теперь в буддийских дацанах идут ежедневные богослужения о наступлении мира на земле. Богослужения эти продолжатся до окончания войны» [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 60].

В октябре 1914 г. начался кружечный сбор в дацанах Селенгинского уезда. Для этих целей были подготовлены специальные кружки, значки Красного Креста, воздушного флота, брошюры [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 49–49 об., 52; Там же. Д. 459. Л. 4]. В дацанах уезда проходили богослужения, посвящённые победе над врагами и окончанию войны [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 46]. Кружечный сбор, очевидно, проводился во всех бурятских дацанах. Как показывают архивные документы, в ноябре-декабре 1914 г. продолжился сбор пожертвований на нужды РОКК. Буддийским духовенством было профинансировано учреждение 10 коек в Забайкальском лазарете, посылаемом на Кавказ [ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 459. Л. 5]. В это же время передовая бурятская интеллигенция обращается к Пандито Хамбо-ламе Д.-Д. Итигэлову о необходимости создания единого органа по сбору пожертвований [Жалсанова, Чимитдоржиева, 2014, 294–295]. Из этого обращения можно понять, что именно буддийское духовенство Восточной Сибири в начале XX в. явилось ядром, консолидирующим разные этнотерриториальные группы бурят. Большую роль в жизни как бурятского общества, так и всего региона, играли А. Доржиев, Ч.-Д. Иролтуев и другие видные представители буддийской иерархии. Созданный в феврале 1915 г. «Общобурятский комитет по сбору пожертвований на нужды войны» во главе с Д.-Д. Итигэловым действительно занимался решением насущных проблем. Всего им было собрано более 180 тыс. руб. В числе основных вопросов были содержание Петроградского врачебного лазарета; коек в Забайкальском лазарете на

Кавказе; семей, призванных на войну низших чинов; бурятского врачебно-питательного отряда [Восстания, 2017, 167; Михеев, 2012, 120–121].

После объявления мобилизации инородцев на тыловые работы в июне 1916 г. большое количество бурят было направлено в район Архангельска и Белоруссию. В каждой группе мобилизованных находились ламы-лекари [ГАРБ. Ф. Р-2104. Оп. 1. Д. 11. Л. 4–5; Там же. Д. 9. Л. 1; Базаржапов, 2005, 48–49; Курас, 2016, 139]. Все расходы по содержанию этих лам брали на себя прихожане бурятских дацанов [ГАРБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69. Л. 39]. Известно, что к мобилизованным бурятам для оказания духовной и врачебной поддержки приезжал бывший Пандито Хамбо-лама Ч-Д. Иролтуев.

Таким образом, в годы Первой мировой войны буддийское духовенство Восточной Сибири, всемерно поддерживая государственную политику, продолжает успешно взаимодействовать с региональными властями в деле благотворительности.

Оказание помощи голодающим Поволжья в 1921–1922 гг.

Революционные перемены и гражданская война не могли не затронуть буддийское духовенство, которое, будучи тесно вовлечённым в социально-политическую деятельность государства, также было вынуждено определиться. Пандито Хамбо-лама Г. Цыремпилов в 1919 г. поддержал Верховного правителя России А.В. Колчака, некоторое время спустя представители обновленческого направления выказали свою лояльную настроенность к Советской власти. В октябре 1922 г. Цыремпилов созывает первый духовный съезд буддистов двух Бурят-Монгольских автономных областей ДВР и РСФСР, на котором все вопросы рассматриваются с учётом индифферентного отношения к новой власти [Буддизм, 2014, 72–76].

Как известно, 1921–1922 гг. в истории России ознаменовались массовым голодом в Поволжье. В стране и за рубежом был организован сбор помощи голодающим. Не осталось в стороне и буддийское духовенство Восточной Сибири. Следует заметить, что помощь голодающим в России оказывалась им в самом начале XX в., о чём свидетельствуют предписания Пандито Хамбо-ламы ширетую Ацайского дацана от 1902 г. [ГАРБ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 78]. Нами рассмотрены некоторые архивные материалы, касающиеся сбора пожертвований в 1921–1922 гг. в Селенгинском аймаке Бурят-Монгольской автономной области РСФСР. Сохранились списки жертвователей – прихожан Ичетуйского и Сартул-Булакского дацанов, написанные на классической монгольской письменности [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 7. Л. 14, 17 об.]. По данным от 9 ноября 1921 г. ширетую Гэгэтуйского дацана через председателя Сартул-Гэгэтуйского хошисполкома были внесены следующие пожертвования в пользу голодающих Поволжья: советскими деньгами – 209294 руб., серебром – 2 руб. 10 коп., мясом – 6 пудов 11 ½ фунтов, маслом – 7 фунтов, хлебом – 29 пудов 36 фунтов, одну шубу; ширетую Сартульского дацана: советскими деньгами – 110000 руб., серебром – 10 руб., ярицей – 7 пудов 10 фунтов, унты – одна пара [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.]. В декабре 1921 г. ламами Бургалтайского дацана были пожертвованы 8 пудов хлеба в помощь голодающим Поволжья; прихожанами – жителями сомонов Хуртага, Бургалтай и Улекчин – 15 с половиной пудов хлеба [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2]. Необходимо отметить, что одновременно проводился сбор добровольных пожертвований для студентов-бурят, обучающихся в Москве. Ширетуй Гэгэтуйского дацана совместно с гражданином Зориктуевым представили руководству хошисполкома следующие пожертвования: деньгами – белонным серебром (правильнее – билонное серебро; речь идет о серебре невысокой пробы, в котором содержание благородного металла составляет меньшую часть – *авт.*) – 24 руб. 80 коп., медью – 20 коп., бумажными янчанами – 50 коп., ярицы – 3 пуда, масла – 4 фунта [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 7. Л. 11]. Ширетую Сартул-Булакского дацана по подписным листам представлены следующие продукты и деньги: белонное серебро – 51 руб. 40 коп., ярица – 5 пудов 32 фунта, масло – 16 фунтов [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 7. Л. 13–13 об.]. Сбор пожертвований голодающим Поволжья и студентам-бурятам г. Москва, очевидно, проводился и в других бурятских дацанах, расположенных в различных аймаках Бурят-Монгольских автономных областей ДВР и РСФСР.

Согласно протоколу № 7 заседания Селенгинского аймачного комитета помощи (помощи голодающим Поволжья – *авт.*) от 23 марта 1922 г., в числе трёх во-

просов, стоявших на повестке дня, был вопрос о привлечении к участию в сборе пожертвований Пандито Хамбо-ламы. Было вынесено постановление пригласить его для участия в работе помгола и организации сбора, «...и вообще по изысканию средств для оказания помощи голодающим среди духовенства, причём просить Айревком снабдить хамбо-ламу известными, соответствующими полномочиями по означенной работе по вверенным ему дацанам» [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об. – 7 об.].

31 марта 1922 г. Пандито Хамбо-лама Г. Цыремпилов обратился к буддийскому духовенству Восточной Сибири с призывом к организации постоянной материальной помощи миллионам людей, умирающих в Поволжье. В обращении говорилось, что «не только долг, но и обязанность каждого правоверного буддиста состоит в том, чтобы прийти на помощь медленно угасающей в ужасных страданиях человеческой жизни. Не только чувство человеколюбия, но и великие заветы нашего учителя Будды, свято чтимые нами, обязывают нас устремить свои взоры туда, где стон миллионов человеческих масс напоминают об ужасных мучениях голодной смерти» [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 10. Л. 4]. По его мнению, помощь была недостаточной и в ближайшее время необходимо было увеличить её, «превратив случайное подаяние голодному в постоянное приношение ему» [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 10. Л. 4]. В качестве примера он приводит духовенство православной церкви, которое по предложению российского правительства жертвовало на помощь голодающим церковные ценности, используя для этого драгоценные камни, золото и серебро с предметов религиозного культа. Далее буддийский лидер отмечал, что «...если в наших буддийских храмах – дацанах нет значительных ценностей, как например, серебряных и золотых предметов религиозного культа, которые с успехом можно было бы и пользоваться в целях помощи голодающим, то это обстоятельство в ещё большей степени обязывает буддийское духовенство организовать в своей среде материальную помощь голодающим» [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 10. Л. 4 об.].

Областным комитетом помощи голодающим Бурят-Монгольской автономной области с 10 по 25 апреля 1922 г. был объявлен ударник (очевидно, мероприятие с повышенной производительностью труда – *авт.*) помощи голодающим Поволжья. 20 апреля 1922 г. в № 73 газеты «Красный бурят-монгол» было напечатано положение об организации помголов и инструкция [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 11. Л. 2]. Принимало участие в работе Комитета помгола и буддийское духовенство Восточной Сибири. Его представители входили в состав хошунных и сомонных комитетов помголов. Пандито Хамбо лама выступил с обращением, в котором призвал духовенство принять активное участие в сборе средств для голодающих [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Дел постоянного хранения за 1921–1922 гг. Л. 3].

10 мая 1922 г. Аймпомголом (аймачным комитетом помощи голодающим Поволжья – *авт.*) была составлена опись предметов религиозного культа и денег, собранных Пандито Хамбо-ламой среди подведомственного ему духовенства. Были внесены следующие пожертвования: серебряные чайные ложки (33 шт.), серебряные столовые ложки (11 шт.), серебряные украшения «гоу» (12 шт.), серебряные, овальной формы, подстаканники (2 шт.), серебряные чашечки «цугуцу» – 9 шт., серебряные большие кольца – 20 шт., малые кольца – 11 шт., браслеты – 11 шт., серебряные слитки – 22 шт. и др.; золотой монетой – 15 руб., крупным серебром – 466 руб., мелким серебром – 1052 руб. 92 коп. [ГАРБ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 10. Л. 8-8 об.]. Необходимо заметить, что сбор добровольных пожертвований в Селенгинском аймаке Бурят-Монгольской автономной области проходил в сложной обстановке. Представление о положении дел даёт краткий отчёт некой Буртоновой, коммунистки, направленной в аймак для ударника помгола с 5 по 18 мая 1922 г. В частности, она отмечала, что «...тяжкое экономическое положение населения всюду в одинаковой степени даёт знать о приближении страшного призрака голода того же Поволжья. Многие из бедняков, уже покинув свои ветхие халупы, с семьями выехали за границу в Монголию, питаются там в горах исключительно саранками (клубни этого цветка семейства лилий начинали выкапывать в мае, употребляли как в сыром, так и в кипячённом виде – *авт.*), а некоторые оставшиеся поддерживают своё существование жалкими подачками более состоятельных людей. Иногда бывают случаи,

3. Базаров, Б.В. Нация на перепутье: бурятский панмонголизм в контексте геополитического противостояния России и Японии / Б.В. Базаров // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2016. – Т. 18. – С. 49–57.
4. Буддизм в истории и культуре бурят / Под ред. И.Р. Гарри. – Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном, 2014. – 417 с.
5. Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.) / Ред.-сост. Т.В. Котюков. – М.: Изд-во «Русский импульс», 2017. – 528 с.
6. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. 78. Оп. 1. Д. 69. Л. 39.
7. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 421. Л. 2, 5.
8. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 458. Л. 2, 5, 8, 31, 33–33 об., 35, 39а, 46, 49–49 об., 52, 60.
9. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 459. Л. 1, 4.
10. ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 468. Л. 7.
11. ГАРБ. Ф. 470. Оп. 1. Д. 516. Л. 12–12 об.
12. ГАРБ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 78.
13. ГАРБ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 5.
14. ГАРБ. Ф. Р–257. Оп. 1. Дел постоянного хранения за 1921–1922 гг. Л. 3–4.
15. ГАРБ. Ф. Р–257. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об. – 7 об.
16. ГАРБ. Ф. Р–257. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2, 11, 13–14, 17 об.
17. ГАРБ. Ф. Р–257. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
18. ГАРБ. Ф. Р–257. Оп. 1. Д. 10. Л. 4–4 об., 8–8 об., 13, 15, 19.
19. ГАРБ. Ф. Р–257. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 4–5, 61.
20. Жалсанова, Б.Ц. Деятельность Тамчинского дацана как центра управления буддийского духовенства в годы Первой мировой войны / Б.Ц. Жалсанова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. – Иркутск, 2012. – С. 340–346.
21. Жалсанова, Б.Ц. «...Мы предполагали создать на первое время хоть временный орган объединения разрозненных частей бурятского народа...» (документы о создании общебурятского комитета по сбору пожертвований в годы Первой мировой войны) / Б.Ц. Жалсанова, Л.Ш. Чимитдоржиева // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 4 (16). – С. 294–300.
22. Жалсанова, Г.Ц. Долоон хамбын домог. Повествование о Хамбо-ламах Ацагатского (Шулутского) дацана / Г.Ц. Жалсанова. – Улан-Удэ: Изд-во АО «Республиканская типография», 2022. – 204 с.
23. История Эгитуйского дацана в документах Государственного архива Республики Бурятия (1798, 1831–1921 гг.) / Б.Ц. Жалсанова, Г.Н. Очирова; науч. ред. И.С. Цыремпилова. – Иркутск: «Отгиск», 2021. – 364 с.
24. Курас, Л.В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л.В. Курас. – Иркутск, 2016. – 252 с.
25. Михеев, Б.В. Благотворительность бурят в годы Первой мировой войны / Б.В. Михеев // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2012. – Вып. 50. – № 11 (265). – С. 119–122.
26. Цыремпилов, Н.В. Буддизм и Империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.) / Н.В. Цыремпилов. – Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном хэблэл, 2013. – 337 с.
27. Чимитдоржин, Д.Г. Пандито хамбо ламы. 1764–2010 / Д.Г. Чимитдоржин. – Улан-Удэ: «Печатный дворъ», 2010. – 192 с.
28. Янгутов, Л.Е. Буддизм в социокультурной традиции России / Л.Е. Янгутов, Ч.Ц. Цыренов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 108–119.

Текст поступил в редакцию 29.08.2024.

Принят к печати 27.09.2024.

Опубликован 27.03.2025.

References

1. Amogolonova D.D. *Respublike Buryatiya 95 let* [95th anniversary of the Republic of Buryatia]. Ed. B.V. Bazarov. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 2018, pp. 290–292 (in Russian).
2. Bazarov B.V. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”]. Irkutsk: ISU Publ., 2016, vol. 18, pp. 49–57 (in Russian).
3. Bazarzhapov V.B. *Buryaty` na sluzhbe Otechestvu* [Buryats in the service of the Fatherland]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye Publ., 2005, 152 p. (in Russian).
4. *Buddizm v istorii i kul`ture buryat* [Buddhism in the history and culture of the Buryats]. Ed. I.R. Garri. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol nom Publ., 2014, 417 p. (in Russian).

5. Chimitdorzhin D.G. *Pandito khambo lamy. 1764–2010* [Pandito Hambo Lamas. 1764–2010.]. Ulan-Ude: “Pechatnyi dvor” Publ., 2010, 192 p. (in Russian).
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 78. Inventory 1. File 69. Fol. 39 (in Russian).
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 84. Inventory 1. File 421. Fol. 2, 5 (in Russian).
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 84. Inventory 1. File 458. Fol. 2, 5, 8, 31, 33–33 ver., 35, 39a, 46, 49–49 ver., 52, 60 (in Russian).
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 84. Inventory 1. File 459. Fol. 1, 4 (in Russian).
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 84. Inventory 1. File 468. Fol. 7 (in Russian).
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 470. Inventory 1. File 516. Fol. 12–12 ver. (in Russian).
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 517. Inventory 1. File 78 (in Russian).
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund 517. Inventory 1. File 84. Fol. 5 (in Russian).
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund R–257. Inventory 1. Permanent storage files for 1921–1922. Fol. 3–4 (in Russian).
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund R–257. Inventory 1. File 2. Fol. 6 ver.–7 ver. (in Russian).
16. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund R–257. Inventory 1. File 7. Fol. 1–2, 11, 13–14, 17 ver. (in Russian).
17. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund R–257. Inventory 1. File 9. Fol. 1 (in Russian).
18. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund R–257. Inventory 1. File 10. Fol. 4–4 ver., 8–8 ver., 13, 15, 19 (in Russian).
19. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buriatiia* [State Archive of the Republic of Buryatia]. Fund R–257. Inventory 1. File 11. Fol. 2, 4–5, 61 (in Russian).
20. *Istoriia Egituiskogo datsana v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buriatiia (1798, 1831-1921 gg.)* [History of the Egituisky datsan in documents of the State Archive of the Republic of Buryatia (1798, 1831-1921)]. Ed. B.Ts. Zhalsanova, G.N. Ochirova, I.S. Tsyrempilova. Irkutsk: “Ottisk” Publ., 2021, 364 p. (in Russian).
21. Kuras L.V. *Transnatsional’naia istoriia mongol’skogo mira v usloviakh revoliutsionnogo pod’ema: pervaiia chetvert’ XX v.* [Transnational history of the Mongolian world in the conditions of revolutionary upsurge: the first quarter of the 20th century.]. Irkutsk: “Ottisk” Publ., 2016, 252 p. (in Russian).
22. Mikheev B.V. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Bulletin of Chelyabinsk State University. History.]. 2012, vol. 50, no. 11 (265), pp. 119–122 (in Russian).
23. Tsyrempilov N. V. *Buddizm i Imperiia. Buriatskaia buddiiskaia obshchina v Rossii (XVIII – nach. XX v.)* [Buddhism and Empire. Buryat Buddhist community in Russia (18th – early 20th centuries)]. Ulan-Ude: Buriad–Mongol nom Publ., 2013, 337 p. (in Russian).
24. *Vostaniya 1916 g. v Aziatskoj Rossii: neizvestnoe ob izvestnom (K 100-letiyu Vy`sochajshogo poveleniya 25 iyunya 1916 g.)* [Uprisings of 1916 in Asian Russia: the unknown about the known (To the 100th anniversary of the Highest Command on June 25, 1916)]. Ed. T.V. Kotyukov. Moscow: Russkij impul’s Publ., 2017, p. 528 (in Russian).
25. Yangutov L.E., Tsyrenov Ch.Ts. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University]. Ulan-Ude: BSU Publ., 2016, no. 6, pp. 108–119 (in Russian).
26. Zhalsanova B.Ts. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2012* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2012.]. Irkutsk: BSU Publ., 2012, pp. 340–346 (in Russian).
27. Zhalsanova B.Ts., Chimitdorzhieva L.Sh. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ., 2014, no. 4 (16), pp. 294–300 (in Russian).
28. Zhalsanova G.Ts. *Doloon khambyn domog. Povestvovanie o Khambo-lamakh Atsagatskogo (Shulutskogo) datsana* [The Legend of the Seven Hambos. A story about the Khambo Lamas of the Atsagat (Shulut) datsan]. Ulan-Ude: Respublikanskaia tipografiia Publ., 2022, 204 p. (in Russian).

*Submitted for publication: August 29, 2024.
Accepted for publication: September 27, 2024.
Published: March 27, 2025.*